

АЛЕКСАНДР СОРОКИН

СНЕГ ТИШИНЫ

КНИГА ЧЕТВЁРТАЯ

Александр Сорокин – автор трёх поэтических книг: «Неравновесие покоя» (1993), «Изборник» (2001) и книги «Обратная перспектива» (2005), включившей в себя переработанный вариант «Неравновесия покоя», а также последующие книги «В отечестве другом», «Бесследная тропа» и отдельным циклом «Вольные переложения». «Снег тишины» – четвёртая книга поэта. В книгу вошёл дополненный вариант «Вольных переложений», в которых автор оригинально интерпретирует произведения иноязычных поэтов. Александр Сорокин – член СП России, лауреат IV Московского международного конкурса поэзии «Золотое перо».

К ЧИТАТЕЛЮ

Не скрою, четвёртая книга складывалась труднее, чем первые три. Во-первых, я «слишком хорошо» научился писать, наработал собственные художественные приёмы, и увеличилась опасность забрести в болото самоповторов, потеряв способность к живому, трепетному слову. Во-вторых, тёртый калач в поэзии – дырка от бублика. Ведь удел поэта, по словам Маяковского, езда в неизвестное. Оттого было необходимо измениться сначала самому, дабы начать писать по-новому. Удалось ли мне это – не скажу с уверенностью, но стихи в этот период случались реже, работа над ними становилась всё кропотливей, недовольство совершённым посещало всё чаще, а мелкие удачи радовали острее, – по этим признакам могу судить, что кое-какие сдвиги во мне произошли. Да и способен ли кто топтаться на месте, когда, как известно, движение – это жизнь! И если я «топтался» – значит, и не жил, создавая эту книгу, и сама книга мертва, и читать её пустое дело. Однако надеюсь, что это не так.

Александр Сорокин

ОНА МОЛЧИТ

Люблю её, большую, малую,
зову её: Святая Русь.
Никто у сердца не украл её –
ни швед, ни немец, ни француз.

И наши brave правители,
и диссиденты-крикуны
проходят – только их и видели –
её не тронув тишины.

Она молчит, и в том молчании
так много смысла и огня,
как искренности – в покаянии,
и прегрешений – у меня...

ШЁЛ СНЕГ

Шёл снег...
Он был и тут же *не* был,
едва земли коснуться смел он,
хотя не мог расстаться с небом –
таким же призрачным и белым.
Казалось, что из черной жижи,
как от бессилия былого,
он поднимался выше, выше
и возвращался снова, снова...
Дыханьем вести небывалой
(а люди думали – напрасно)
будил он этот мир усталый
и намекал, пока бессвязно,
на тот исконный неуют,
где, как солдаты у дороги,
не брезгуя соседством, пьют
и люди, и зверьё, и боги.

В МЕТРО

Он идёт по переходам
и не ропщет на судьбу,
и зовёт своим народом
эту хмурую толпу.

Озирается в вагоне
беззащитно, как слепой,
замирает на перроне,
что-то слыша над собой,
что-то слыша надо всеми,
что никто не слышит тут.
На бумаге – будет время –

эти звуки оживут.

Он их чарочкой помянет
и, быть может, не одной,
но едва ли легче станет
жить под солнцем и луной.

Кто же он, откуда родом?
Уж не я ли это сам
восхожу по переходам
из подземки к небесам!
На простор из клетки душной
вырываюсь, сам не свой,
забывая мир окружный
с его славой и молвой.

И подземное – земное
раздвигает берега...
Видно, нет тому покоя,
кто пришёл издалека.

ЭЛЕГИЯ

Виктору Гаврилину

На празднике чумы присядем у стола,
стыдливость и любовь – всё, чем душа богата.
Развесистая ложь отчизну оплела,
но не по вкусу нам ворованное золото.

О славе помолчим – уже не те года,
за тихие труды отыщется награда:
о веке золотом напомним красота
нечаянной строки, и большего не надо.

Развесистая ложь отчизну оплела
уже не в первый раз – а всё раздолье снится,
где золотом горят над полем купола
и вдаль летит, летит иной судьбы жар-птица...

В ЭТОМ МЕСЯЦЕ

Разрываются почки на ветках
худосочных московских берёз!
В этом месяце радостей редких,
снов бескрылых и мыслей вразброс
их слепое любовное рвенье,
их наивная вера в рассвет
пошатнули моё недоверье
к непростительной власти примет.
Может быть, это только начало

непростого, иного пути?
Пусть разлука нам в дверь постучала, –
«До свиданья, – скажу. – И прости».
Иногда и чужая забота
может стать неподдельно родной,
только есть неизменное что-то,
что владеет тобою и мной.
И, наверное, нам только снится
непредвиденный, новый разлад,
и берёзам я рад поклониться,
унося их сочувственный взгляд.
И тебя вспоминая попутно,
неожиданно осознаю,
что улыбку весеннего утра
принял я за улыбку твою.

БЕЗ ЛЮБВИ

Что без любви набухший куст сирени –
всего лишь ветка меж других ветвей,
и по двору блуждающие тени
не оживит ходульный соловей.
Не пробежит внезапно дрожь по коже
от залетевшей в форточку звезды,
и в сватовстве рассветной суеты
не станет день нарядней и моложе.
И не уймёт сердечную простуду
случайной рифмы отзвук холостой...
Как без любви на этом свете буду
я говорить о радости простой?

СОН

И куда иду я, зрячий,
а присмотришься – слепой?
И за мною люд бродячий
той же следует тропой.

Я сказал *тропой* – однако
нет здесь никакой тропы,
лишь бездомная собака
воет на луну судьбы.

Ни оврага, ни пригорка,
ни худого деревца –
ровный, тусклый свет и только
даль без края и лица.

В этой местности миражной,
до того она пуста,
не отыщешь места даже

для могилы и креста.

То-то черти посмеются,
не таков ли Страшный Суд:
опоздать и не проснуться,
и навек остаться тут?!

КОГДА НЕ ПРИХОДИТ ПОДМОГА

Когда не приходит подмога,
не брошусь с тоски из окна,
решив, что прямая дорога
сквозь звёздное небо видна.

И так мы не раз пропадали
от пули, от водки, в петле,
но петь в кабале и опале
умели на этой земле.

И стыдно, сдружившись с бедою,
в чужом, безответном краю
выклянчивать лучшую долю,
оплакивать радость свою.

И совестно, да и не ново,
в зазнайки и выскочки лезть
тому, кто на русское слово
поставил и совесть, и честь.

И я не нарушу обета,
не важно, что там впереди,
вот только б дожить до рассвета
и ночь эту вброд перейти...

БЕССМЕРТНИК

Бессмертник мой, пускай темно, пускай!
Неприхотливый, радужный цветок,
хотя бы раз под вечер намекай:
никто из нас в труде не одинок.

Кусочек солнца в розовых лучах,
с каких незнамо сорванный полей,
ты на столе засох, но не зачах,
и о поре цветенья не жалея.

И я мудрей, спокойней, тише стал,
и мне размах и пышность не к лицу.
Я всё в себе расставляю по местам,
когда вернусь к Небесному Отцу.

СУДЬБА

И, даже крадучись по краю,
В невозвращенца, в беглеца
И в эмиграцию играю.
И доиграю до конца.

Александр Межиров

С глазами падшего ангела
и заиканием Моисея
не перепишешь набело
судьбу с заголовком: «Рассея».

И заставляет что-то
в благопристойной Неваде
помнить Синявинские болота
и Ленинград в блокаде.

Недаром, сердцем владея,
смешала родная глина
неприкаянность иудея
с норовом славянина.

Жить бы ему, хоть со Сталиным,
без козырей, да под небом этим,
в бедном краю оставленном,
в тысячелетье третьем!

В списках врагов не значится –
спасибо судьбе и за это...
Не перепишешь начисто
жизнь игрока и поэта.

НЕ СПЕШИ

Андрею Алексееву

Не спеши состариться,
сбросим лишний хлам,
что от нас останется –
собирать не нам.
Где росток пригрется,
там и день взойдёт.
Всё у нас имеется –
и не первый год:
молодость бесследная,
седина виска...
А дорога светлая
всё равно легка!

ВСТРЕЧА

Мы проходим тёмной улицей
в стороне от всех забот,
и не важно, что там сбудется
через месяц, через год.
Мы идём с тобою под руку,
не чужие, не родня, –
вместе – остальное по́ боку.
Погляди же на меня! –
И закружится во тьме ночной
приютивший нас квартал,
и ты снова станешь девочкой,
о которой я мечтал.

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ СНЕГ

Стремительно и безответно
врываясь в помыслы и сны,
пронизанный весельем ветра
и полнозвучьем тишины,
случайно выпавший из ряда
событий, канувших во мглу, –
снег убеляет ветви сада
и льнёт к замёрзшему стеклу.
Но нет к прошедшему возврата!
И в доме светлом – пустота.
И снег ложится виновато
на незнакомые места.

ДАВНО ПОРА

Яну Иоаниди

А помнишь, Яном Бунина звала
его супруга Вера Николавна?
Ему же в Гресе русского тепла
так не хватало, а любви – подавно.

Вот ты с рожденья не Иван, а Ян,
и я не стану звать тебя Иваном.
Пуускай порою ты бываешь пьян –
я сам бываю по неделе пьяным.

Но главное – поэзия, и с ней
нам не страшны разводы и запои!
Давно пора сомкнуть наш круг тесней,
и пусть печаль оставит нас в покое.

Давно пора не выживать, а жить

везде: в безмолвье, в безрассудстве, в звуке.
Давно пора нам сердце обнажить
и не бежать от боли и разлуки.

НАВАЖДЕНИЕ

Окружённый сполохами древними
(или в явь мои сны облеклись?),
над продрогшими в поле деревьями
красный месяц подковой повис.

И уже на раздолье языческом
прозвучал над отчизной степной,
нарушая безмолвья владычество,
крик неведомой птицы ночной.

Я ли это иль предок забытый мой
с первобытной вдыхает тоской
воздух, дымом становищ пропитанный...
или это костёр за рекой?

Чьи-то тени ползут настороженно
вдоль оврага сквозь редкий туман...
Или всё, чему быть не положено,
распоясавшись, вводит в обман?

Где я? Кто я? Прикинулся чудищем
пень разлапый, иль чудище – пнём?..
Только звёзды и в прошлом, и в будущем
неподдельным мерцают огнём!

НЕПРЕДСКАЗУЕМЫЙ ЯНВАРЬ

Как пахнет снег, забыли мы,
дождит с утра и допоздна,
и без зимы среди зимы
трава, как в мае, зелена.

А вот пойдя на нас войной –
прямым ответом на вопрос,
глядишь, ударит запасной,
сорокаградусный мороз.

НА ТОЙ ВОЙНЕ

Я в смертный бой вступал во сне,
как будто наяву,
и погибал на той войне,
и до сих пор живу.

Из синевы спускаясь в ад,
в грохочущий разлом,
я знал, что нет пути назад,
и не жалел о том.

Над телом павшего бойца
призывно горн играл,
а я среди живых отца
в смятенье выбирал.

Но вот уже и нет живых –
все полегли в бою,
и канонады гул затих
у мира на краю.

Но вижу: скрыт густой травой
и пулями прошит,
в беспмятстве, полуживой
один солдат лежит.

Всю ночь я просидел над ним –
настырна смерть, хитра, –
моей молитвою храним,
он бредил до утра.

И вот рассвета час настал!
И отлегло в груди,
когда явился санитар,
как ангел во плоти.

Потом мне снился лазарет
и скальпеля металл.
Хирург, прося прибавить свет,
кроил, кромсал, латал.

Сон обрывался и опять
накатывал волной...
Уже я начал забывать
того, кто звался мной.

Иного воинства уже
небесные послы
бездомной, страждущей душе
благую весть несли.

Но что-то в памяти былой
мешало обретать
всепобедительный покой
и солнечную стать.

И так, плутая в полумгле,
я вспомнил наконец:
на хирургическом столе

мой воскресал отец.

ОТЕЦ

Придя как слух о без вести пропавшем,
он не скрывал осанки фронтовой
и не искал опоры в мире нашем,
и был спокоен – мёртвый, но... живой.

Припомнив всё, что вынес на плечах,
он оглянулся на свои потери –
и увидал меня...
и, промолчав,
шагнул во тьму сквозь запертые двери...

И как теперь мириться с тишиной,
не поддаваясь жалости и боли!
Ведь часовые стрелки за стеной
не по моей остановились воле,
и не со мною счёты сведены;
нигде не бьют тревогу об утратах,
никто вокруг не ищет виноватых...
А оправданье – тяжелей вины.

ЗА ОТЦА

Ни лагерей, ни пули не отведав,
но в поредевшем не чужой строю,
на дорогих развалинах победы
я за отца навытяжку стою.

Народ молчит. Безмолвны обелиски.
Толпа резвится, празднуя салют.
Мы все – в одном, неуследимом списке
живых, где впрок побед не раздают.

И в этот строй я встал не для парада,
а ради той победной тишины,
разлитой в сердце русского солдата
с последним залпом праведной войны.

НА ЯХРОМЕ

Твой бег, извилистый, студёный,
среди холмистых берегов
увёл меня от думы тёмной
и необдуманных шагов.

В тиши, на солнечном припёке,
отмахиваясь от слепней,

я ощутил себя в потоке
ничем не омрачённых дней.

Ненастья дальние раскаты
здесь не спугнут и стрекозы,
и чем богаты, тем и рады
бегущие, как сон, часы.

Кузнечик серенаду Брамса
переложил на свой манер
и так на стебле расстарался,
что слился с музыкою сфер.

И я, с дремотой мысли слитый,
пчелою уношусь в луга,
вдыхая запах первобытный
новорождённого цветка.

О пошлой жизни забываю,
с ее бравадой и враждой,
как будто дверь приоткрываю
в забытый всеми храм пустой.

В НАШЕЙ КЕЛЬЕ

Ты годы посвятила клавишам,
а я – невидимой струне.
На разных двух кострах сгорающим,
живущим часто, как во сне,
нам повезло – мы снова свиделись
и улыбнулись наяву,
и полюбилась мне действительность,
в которой я теперь живу.
И волен радость и печаль нести
в ту келью, где во тьме любой
и вопреки любой случайности
ты бредишь мною, я – тобой.

ИЮЛЬ

Не одиноко в одиночестве.
Скрипит сосна: «Ты не один.
Всем бором воздадим мы почести
задору молодых седин!»
«Ты не один», – ей вторит облако,
послав дыханье ветерка.
Гулять с землёй и небом под руку
никто не запретил пока...
Косматый камень у обочины
мне тропку указал к ручью,
и тополь в шапке позолоченной

шатром раскинул тень свою.
Лениво в поле даль распластана,
и солнце катится в зенит;
у ног, касаясь пальцев ласково,
вода студёная звенит;
а сверху смотрит бездна синяя...
И в этом доме без затей
для всех открыта сердца скиния,
я отовсюду жду гостей!

АПОЛОГИЯ ПОЭТА

Ничьим участием не согрет,
не опуская глаз,
ещё один большой поэт
проходит мимо нас.

Никто ему не брат, не друг,
но всем он друг и брат,
похвал не требует за труд,
тем более – наград.

Как властно тишина звенит
и навевает сон,
где принят он и знаменит,
оправдан и прощён!

И светел опустевший дом,
легко бежит строка,
он вспомнит и о нас потом,
взглянув издалека.

Не упрекнёт и всех простит,
на то он и поэт,
недаром миру был открыт
он много-много лет.

А если что и проклинал –
он проклинал любя...
И вот весенним ветром стал,
опередив себя.

И, словно листья, шелестят
страницы книги той,
где строен сердца вертоград
до малой запятой.

СНЕГ ТИШИНЫ

Под утро укрылось окрестье
ворсистым, уютным снежком.

Проснулись – и будто воскресли,
какое безмолвье кругом!
На свете и чёрном, и белом
ни звука... светлеет восток...
Простудам своим застарелым
и всем холодам поперёк,
в неприбранной комнатке тесной,
среди разорённой страны
проснулись – и будто воскресли
из этой святой тишины...

ВТОРАЯ РОДИНА

Для кого-то небеса пусты,
а кому и помощь, и отрада;
ни о чём не спросишь у звезды,
только мне и спрашивать не надо.

Подниму глаза – и замираю,
не злословлю и не помню зла,
и мила мне родина вторая,
и земля полынная мила.

Оттого и голос мой спокоен,
не таясь, в свой тихий бью набат,
для кого-то пусть Аника-воин,
а кому-то просто друг и брат.

ЛИШЬ О ТЕБЕ ПОДУМАЮ

Свои права и свой язык у времени.
Твой поцелуй – моя строка начальная.
А путь один: в отваге и смирении
распознавать в случайном неслучайное.

Как умудрились отыскать друг друга мы
наперекор годам и расстояниям?
Твой голосок и взгляд слегка испуганный
меня пронзают святочным сиянием.

И ни одной на лёгком сердце тучи нет,
и всё больное, косное, угрюмое,
что за грехи преследует и мучает, –
уходит прочь, лишь о тебе подумая...

ЗАМЕТКА НА ПОЛЯХ

О чём пеклась Мария
у ног Его,
в слезах

за что благодарила,
ни слова не сказав?
А Марфа деловито –
святая простота! –
приваживала бытом
безбытного Христа...

РОДНЯ

Как Отец Небесный у всех один,
так земной отец у каждого свой.
И живёт в сыновьях единый Сын,
распинаемый на стезе земной.

За спиной отца – материнский вздох
и святая горечь слезы иной,
разделившей участь сирот и вдов
и связавшей всех нас одной виной.

У судьбы твоей как ни горек вкус,
как отечество своё ни кляни –
не расторгнешь этих надмирных уз
и родней не сыщешь себе родни.

Пусть к тебе любви не доходит луч,
пусть твой день невзгодами заслонён, –
разве солнце, скрытое за ордою туч,
заставляет нас сомневаться в нём?

ОПТИНА ПУСТЫНЬ

Нас убивают,
жить не дают –
не убывает
небесный уют.

Автоэпиграф

1. СТАРЕЦ АМВРОСИЙ

И шли к нему Толстой и Достоевский,
Леонтьев шёл и тьмы, и тьмы других...
На воздыханья и на ропот дерзкий
он оставался благостен и тих.
Не придавал учёности значенья,
всех окружал смиренной добротой.
В небесной жажде самоотреченья
одна любовь была его звездой.

2. РЕКА В ДЕТСТВО

Неугомонная Жиздра-река
у монастырского тихого взгорья
так же игрива, резва, глубока:
взору – веселье, и вере – раздолье!

Я не язычник, но радость полней
здесь от такого мирского соседства:
точно в воде, отражается в ней
неискушённая искренность детства.

3. ПАЛОМНИКИ

Путь от Козельска вплоть до Оптиной
лежит через сосновый бор.
Всё, что мы звать привыкли родиной
и что пустили под топор,
здесь оживает в сне молитвенном
уединённого скита;
по страстным кочкам и по рытвинам
сюда стремятся неспроста.
Издали ударил колокол
за монастырскою стеной.
Мы плоть свою тащили волоком
вдоль Жиздры,
                                  а душа стрелой
летела к радостной обители,
как будто знала наперёд:
мы в Оптиной не только зрители –
и послужить настал черёд.

4. У СКИТА

Дремучий скит среди столетних сосен
врачуёт душу, как и век назад.
Когда апостол старчества Амвросий
на небеса был милосердно взят,
его любви лампада не погасла,
она горит у этих скромных врат. –
Мы подаём послушнику на масло:
храни Господь тебя, пустынный брат.

5. В ХРАМЕ

Я сразу заметил с порога:
в убранстве церковных палат
ни пышности нет, ни намёка
на жизни бездомный закат.

А свечи – из чистого воска,
по цвету – варёный желток.
Священник читает не броско,
а так, как внушил ему Бог.

Притихла толпа у Креста,
и всё здесь смирением дышит.
Хоть совесть твоя не чиста –
молись! – и тебя Он услышит.

Под гимны церковного хора,
невидимым глазу лучом
пронзённый сквозь купол собора –
о чём Его просишь, о чём?

6. МОНАСТЫРСКИЙ САД

Двор монастырский усеян цветами.
Не обойди этот Божий цветник.
Не исцелённый годами скитаний
по закоулкам прославленных книг,
выбери лавочку в тихой аллее
и побратайся с июльским теплом.
Вот уже *на* сердце стало светлее,
вот уже стыдно вздыхать о былом.
Братия чинно гуляет по саду.
Здесь для паломников – подлинный дом.
Красит сестриц, проходящих в ограду,
белый платочек и длинный подол.
В келье цветочной тебе не прижиться,
но в одночасье забыть не дано
эти слезой просветлённые лица,
словно раскрытое настезь окно.
И, возвращаясь к исканиям старым,
ты разбазарить в пути не спеши
в Божьем саду обретенную даром
радость укромную кроткой души.

ТВОЯ УЛЫБКА

Из снов неожиданных соткана
и в свет облечена
твоя улыбка кроткая –
а жизнь моя темна.

Как вешняя проталина
безвылазной зимой,
она судьбой подарена
в час непроглядный мой.

И тем необычайна,
что, чувства не тая,
легко и беспечально
с ней расцветаю я.

ВСЁ ТОТ ЖЕ СВЕТ

о. Александру Шумскому

Пурга Россию замела.
И так из века в век
на наши грязные дела
ложится чистый снег.

Пригрело солнце, ветер стих,
и кажется светлей
даль Куликовых и других
оплаканных полей.

Ах, сколько полегло голов!
И нет конца войне.
Но слышен звон колоколов
в прозрачной тишине.

Не оттого ли до сих пор
наш невесёлый быт
родной, намоленный простор
от худших зол хранит?

И строгие глаза икон
струят всё тот же свет
через беспамятство времён
и толчею примет...

СЛАБЫЕ

Кто в одиночестве стоит –
Стоит, чтобы упасть.
Эдуард Балашов

Кто в одиночестве стоит –
стоит, чтобы упасть.
Живущий в страхе будет бит,
завистник станет красть.
А сильный волею своей
себя сведёт на нет.
Но слабому без козырей
одна опора – Свет.
Он, точно дерево, един
от кроны до корней,
невидим, но непобедим,

не жизнь, но слился с ней.
Могуч он веденьем своим
во всех сквозных мирах,
масть козырная перед ним –
ничто, могильный прах.
Он духом слабого крепит,
а сильный – лести раб,
и совесть враг ему, и стыд.
Да славен тот, кто слаб!

ОСЕННЕЕ

Листья в бездомном полёте,
что не даёте мне спать,
что вы мне спать не даёте? –
вот пробудился опять
шелест ваш, шёпот и шорох
в полураскрытом окне...
или в безвидных просторах
вспомнила мать обо мне?
Скоро укроются снегом
рощи, поля, города.
Холодно быть человеком –
вам и мороз не беда.
Листья в бездомном полёте,
нет для вас стужи и тьмы,
без сожаленья уснёте
под покрывалом зимы...

МЫ БУДЕМ ВСЕ ЗАНЕСЕНЫ

Мы будем все занесены
бесследным снегом тишины.
В лучах внезапного рассвета
друг друга не узнаем мы
и не увидим ни зимы,
ни расточительного лета.

Ни осени не будет там
и ни весеннего разлива,
но я так просто не отдам
всего, чем нынче сердце живо.

Ни этой ивы, над рекой
склонившей ветви в час закатный,
ни суматохи городской,
ни русской доли непонятной.

Не уступлю молчанью звёзд
и славе, тягостной, посмертной,
ни первых покаянных слёз,

ни материнский вздох последний.

СМОГУ ЛИ...

Когда останусь я один
и будет некому помочь,
скопление каких картин
подбросит мне злодейка ночь?

Смогу ли вынести тогда
всю тяжесть, весь позор срамной,
пусть и не Божьего суда,
а только совести больной...

ВСЁ ИЩУ

Наш язык – сырой песок и глина,
если высечь некому огня.
Сколько слов прошло порожних мимо
под рукой и сердцем у меня!

Всё кручу, кручу свой круг гончарный,
но учитель молчалив и строг:
полстолетья с гаком за плечами –
ничему не подведён итог.

Каждый день мой – чистая страница,
только этим молод я опять
и способен с прошлым примириться,
и меня оставивших понять.

Верю, снова будет мне опорой,
хоть по гроб я у неё в долгу,
красота безгрешная, с которой
всякий час я встретиться могу.

Принимая многое на веру
и к судьбе доверие храня,
всё ищу гармонию и меру
в каждой строчке прожитого дня.

ДЕРЕВО И КАМЕНЬ

В век интернета камень мне дороже
и деревцо, возросшее на камне:
они в одно слились на бездорожье
и крещены живыми облаками.

Давно не солнце нам, богам двуногим, –
бог электронный светит на экране.

А их удел – с одушевленьем строгим
встречать рассвет под гиблыми ветрами.

Не тяготясь служением безвестным,
они дружны и с холодом, и зноем.
Под небом, под его лучом отвесным
такой судьбы не всякий удостоен.

ИНДИЯ

Эдуарду Балашову

Как открывал я Индию свою? –
она с Россией до улыбки схожа:
две хаты с краю, но не на краю,
а во главе людского бездорожья.

Недаром мы доступны всем ветрам,
и в суете смиренье не забыто,
да и в веках не разминутся нам –
язык любви понятнее санскрита.

В КРУГЕ НОВОМ

Женщин много – ты одна,
но я тебя не знаю.
Перебираю имена –
чьё же имя с краю?

С того краю, где в кольцо
жар сердец сомкнётся
и одно твоё лицо
будет мне как солнце.

Много женщин, губ не счесть,
а любви так мало.
В каждой милой всё же есть
искра идеала.

Не один десяток лет
давит мне на плечи,
радость временных побед
от тоски не лечит.

Сердце с песней я связал,
и лежит дорога
на заплёванный вокзал
веры и порока.

В этой жизни непростой,
в её круге новом

я болею красотой –
исцеляюсь Словом.

ЖЕНЩИНЫ ДЛЯ ВСЕХ

Женщины для всех, кому вы ровня?
Презирают вас, но к вам идут.
Ремесло старинное греховно,
но людской – он не последний суд.

Есть у вас душа, не только тело,
и она страдает в глубине.
Эту муку сердце подглядело,
и теперь вы не чужие мне.

Есть у каждой тёмная преграда,
совесть и достоинство своё:
мать больна, растить ребёнка надо,
а кому-то – выкупить жильё.

Пусть неверно выбрана дорога,
признаюсь, я в этой жизни сам
начудил, нашибался много
и «своих» читаю по глазам.

И не ради радости продажной
я переступаю ваш порог –
одинок на этом свете каждый,
но не каждый горько одинок.

НЕЧАЯННАЯ РАДОСТЬ

Как поэт всего хочу.
Мне и малое не мало:
друг похлопал по плечу –
как его недоставало!

Взглянет женщина, и я
воскресаю – много ль надо! –
не беда, что не моя,
мне достаточно и взгляда.

Деньги кончились – пустяк.
Всё имею, не имея,
и блаженствую без благ,
словно сказочный Емеля.

И лечу под облака!
Спросят: по какому праву?
Просто мне одна строка
удалась с утра на славу.

ЗАГОРОДНАЯ ЭЛЕГИЯ

Даль ясней и воздух здесь прозрачней,
ярче звёзды и спокойней сны.
Не пора ли строить жизнь иначе,
на себя взглянуть со стороны?

Я прибился к новому причалу.
Стынет день осенний за окном.
Новоселье без гостей встречаю,
согреваясь чаем, не вином.

Со стены глядит усталый Пушкин.
Мнится мне, он всех давно простил,
зная цену черни равнодушной
и соседям, милым и простым.

Не зайти ли к доброму соседу
покурить, о жизни поболтать?
Никуда отсюда не уеду,
буду здесь я годы коротать.

Буду пить вечернюю прохладу,
уповать на волю и покой.
Что ещё гиперборейцу надо?
Поле, лес и речка – под рукой.

УСОВО – ТУПИК

Целый мир с его прогрессом
я оставил за бортом.
Окружён сосновым лесом
наш пятиэтажный дом.

Мне милей одноколейка,
электрички поздней крик.
Полюбить, как я, сумей-ка
землю Усово – Тупик.

Не тупик здесь, а иное
продолжение дорог.
Спят соседи за стеною,
только я уснуть не смог.

Спят. И весь пятиэтажный
поезд наш пыхтит в рассвет,
и обратных – знает каждый
пассажир – билетов нет.

Наша жизнь – одноколейка,

все платформы – впереди.
До неведомого века
заповеданы пути.

И мигает семафором
мне Полярная звезда,
обещая край, в котором
не бывал я никогда.

И гудят верхушки сосен,
как тугие провода.
Полустанок тихий «Осень»
проезжаем, господа...

ПО КРАЮ

Пил, гулял, ходил по краю,
был с отребьем в кунаках,
сам не знал, во что играю,
думал, всё в моих руках.

А когда пришло похмелье –
ужаснулся, сжав виски:
ни бахвальства, ни веселья,
ни смятенья, ни тоски.

Будто безымянный кто-то,
безучастный и чужой,
завладел бесповоротно
моим телом и душой.

И врагу не пожелаю
я такое испытать.
Что посеял – пожинаю.
Как бы вновь собою стать!

Пил, гулял, ходил по краю,
все постропки развязав,
и не знал, что исчезаю
у себя же на глазах.

ИЗ БОЛЬНИЦЫ

В Барвихе свет, темно в Ильинском,
вагонный тамбур в полумгле,
и лбом прикинув к снежным брызгам
на чуть оттаявшем стекле,
блаженство – ни о чём не думать,
себя за слабость не казнить,
не знать, откуда ветер дунет,
не строить планы, – просто быть...

Открылись двери, и платформа,
как скатерть, под ноги легла
полоской белой в *ночи* чёрной...
Природы сон не помнит зла!
Молчат задумчивые сосны,
макушки тянут в небосвод,
дремучий пень порос коростой,
однако тужится, живёт...
Ещё не всё во мне угасло,
не всё помечено бедой.
Что ж, будем жить, крушеньям *на*зло,
заботой сердца молодой.

ЕЩЁ ОДНА ПОПЫТКА (в шутку о серьёзном)

Ну вот ещё одна попытка:
признав, что истина в вине,
бутыль пьянящего напитка
искать в себе, а не вовне.

От взгляда женского шатаюсь
почище штатных выпивох,
не знать, что есть на свете старость –
угрюмой трезвости порог.

Хмельть, когда над тусклой нашей
планидой хворей и забот
Неупиваемую Чашей
ночной сияет небосвод.

И спозаранок, с ленью справясь
и дурь отправив на покой,
опохмеляться всем на зависть
сорокаградусной строкой!

ОПЯТЬ ПОТЕМНЕЛО

... Немного у жизни лукавой
И всё у ночной тишины.
Анна Ахматова

Музыки властной прилив и отлив
жду с нетерпеньем, но близок рассвет.
Ночь молчалива, да день говорлив,
так говорлив – просто удержу нет!

И потемнело опять на душе
от неотвязной людской болтовни.
Даже себя я не слышу уже,
что же способны расслышать они?

ОДНИМ ДНЁМ

Вот и день уплыл куда-то
сквозь промытую листву,
обронив цветок заката
в омут ночи на плаву.

Жар полуденный, прохладу
заводных июльских гроз,
поклонясь земному саду,
без следа во тьму унёс.

И к моей прогулке поздней
не прибавив ничего,
растворился в дымке звёздной,
будто не было его...

Скоро я себя забуду
в этом безымянном дне,
да и он (к добру ли, к худу?)
станет безразличен мне.

Жизнь ещё перелистает
целый ворох дней иных
и в итоге не оставит
даже памяти о них.

И считает лишь утраты
календарный метроном.
Мы же днём одним богаты,
каждый раз рождаясь в нём.

И того не существует,
что проходит мимо нас,
и над миром торжествует
только вечное с е й ч а с!

МЫСЛЬ

Пришла, когда ко сну клонило,
хотя мне было не до сна,
и все сомненья отменила,
необъяснима и ясна.
Пришла (моя ли в том заслуга?),
ко всем причастна временам,
и как узнали мы друг друга,
и кто потом поверит нам,
что и в одеждах пёстрых слова,
необходимости сестра
воображения больного

не ухищренье, не игра?

НОЧЬ РОЖДЕСТВА

Стоит бесснежная зима,
и Рождество – без снега,
но сердце не сковала тьма
бездомного ночлега.
Оно, равняясь на восход,
непринуждённо бьётся
и тишину живую пьёт
из звёздного колодца.
А звёзды в эту ночь-весну –
и в наши дни, и ранее, –
всегда приветствуют одну
на всенощном стоянии.
И мы невидимым узлом
с варажей млечной связаны,
и под невидимым крылом
вновь не родились разве мы?
И затихают все ветра,
и каждому по вере
откроют ангелы с утра
невидимые двери...

ОТ РОЖДЕСТВА ДО РОЖДЕСТВА

От Рождества до Рождества
тебе – все нежные слова!
А если и случались ссоры,
так невзначай и не всерьёз –
о том рождественский мороз
обоим нам напомнит скоро.

От Рождества до Рождества
мой голос жив и ты жива, –
живём, о прошлом не жалея,
чтим мирозданья верх и низ,
недаром оба родились
мы под созвездьем Водолея.

В БЕЛОМ МИРЕ

Лёгкой поступью снегопада
сумерки подошли.
Снегу первому верба рада –
кланяется до земли.

Через бор сосновый до дома
от платформы рукой подать.

Где же он, поворот знакомый?
И тропы почти не видать.

Неприступной ватной стеною
сугроб на пути возник.
Снег заигрывает со мною,
лезет за воротник.

Похоже, совсем стемнело,
но другу проворному рад,
один в его мире белом
шагаю я наугад.

НАШ ПУТЬ

Наш путь – степной, наш путь – в тоске безбрежной...
Александр Блок

В разгуле блоковской метели,
в потёмках лжи, что вьюги злей,
скитаясь, не осиротели
сыны Евразии моей.

Не стали небеса пустыми,
не век нам мыкаться одним:
за падших молятся доньне
святые Сергей, Серафим.

На паперти беды кромешной
и на полях отчизны всей –
повсюду брат нам – мытарь грешный,
а не кичливый фарисей.

Пусть для чужих мы иноверцы –
внушая ужас и восторг,
в безмерном, терпеливом сердце
мы слили Запад и Восток.

А сами не Восток, не Запад –
от века Русью нареклись,
но любим сны мечетей, пагод,
костёлов, устремленных ввысь.

И всё же нашу грусть степную,
кочевий облачных стада,
наш крест на родину иную
не променяем никогда.

Во все глаза, как из подполья,
на этот белый свет глядим.
Такая нам досталась доля:
дорог не счесть, а путь один.

ЗАКЛАД

Тишину связав со словом,
а молчание – с судьбой,
буду жить в краю сосновом,
славить небо над собой.

Что случится, то случится,
я не бог земной стези;
чашу горя, жизнь-волчица,
если можешь – пронеси.

Если я чего-то стою,
если вскормлен был тобой,
вспрыснут мёртвою водою –
окропи водой живой!

Если я чего-то значу,
может, где-нибудь, хоть раз
кто-то обо мне заплачет,
искренне, не напоказ.

Сыном века простодушным,
оправдаю ли заклад?
Как сказал однажды Пушкин,
я обманываться рад.

МАТЬ И ОТЕЦ

Мать и отец – на небесах, я – на земле пока что.
Они стоят в моих глазах, а прочее не важно.

Я сердцем чувствую – они не знают там покоя
за все мои шальные дни и шутовство мирское.

Не убивайтесь, помню я о совести и чести.
Мы все – небесная семья с земной семьёю – вместе.

Неразделимы и верны одной большой заботе.
Какой? – приоткрывают сны у ночи на излёте.

Пускай всего не разгадать, но я, рождённый вами,
пройду свой путь от *аз* до *ять*, не покривив словами.

А для любви не надо слов. Она везде и всюду.
Неизносим её покров. А мы не верим чуду...

РАССКАЖИ, СИНИЦА

Прилетают птицы под моё окно,
возятся в кормушке, скопом хлеб клюют.
Чем пернатый дышит, мне не всё равно,
прозябать на воле – это тоже труд.

Разве жизнь уложишь в сжатую строку?
Расскажи, синица, расскажи без слов,
сколько ещё встретим на своём веку
мартовских капелей, майских вечеров.

Не скупись – чирикай, не стесняйся – пой,
и ныряй отважно в голубой провал.
Провела границу прямо над стрехой
вотчина иная, – я и там бывал!

Ты паришь над бором – я летаю в снах.
Все мы, люди-птицы, в небо влюблены!
Лишь одно тревожит: высоту познав,
не минуем всё же тёмной глубины...

АВГУСТ

Хорошо затеряться под звёздами
в заполуночный ласковый час,
для того они, верно, и созданы,
чтоб тревожить и радовать нас.

Чем ещё меня август порадует? –
Так спокойно в притихшем саду,
только слышно, как яблоки падают,
утром их собирать я пойду.

Буду кроток, приветлив и благостен,
чтобы лучик любви не погас
и другим, искупительным радостям
научил меня Яблочный Спас.

В ЧЁМ ЕГО СЕКРЕТ?

Учтите женщины, поэт –
он совершенных форм эстет.

Рачитель женской красоты,
он с постоянством не на *ты*.

Бредёт по жизни наугад,
но как глаза его горят!

В них затаился испокон
о верности волшебный сон.

Так всё же в чём его секрет?
Да только в том, что он – поэт.

ВЕТЕР ЖИЗНИ

В нашем мире родиться,
у любви задолжав,
человеком ли, птицей –
удивительный шаг.

С этой радостной тайной
я иду на закат,
каждой встречей случайной
с неизбежным богат.

Из забытого дома
возвращаюсь домой –
всё мне в жизни знакомо,
кроме жизни самой.

В ЭТОТ МИГ

Как бывает свежо под утро
удивленье: ты есть, ты жив!
И находит слова попутно
захвативший тебя мотив.
Забываются все заботы,
крепнет звук, и, сливаясь с ним,
не возьмёшь ты фальшивой ноты
перед этим большим, одним,
искупительным, вольным вздохом...
Пусть багаж твой и невелик,
и растрочена жизнь по крохам,
но в безропотный этот миг,
даже если неуследим
от вершин до его подножий, –
всё равно для тебя един
мир – живой иероглиф Божий!

ВОЛЬНЫЕ ПЕРЕЛОЖЕНИЯ

От автора

Вольные переложения – не переводы. Влезая в шкуру очередного автора, я позволял себе говорить нечто своё от его лица. Перекладывая часть ответственности за сказанное на создателя оригинала, я чувствовал большую свободу в выражении определённого рода мыслей и настроений, иными словами, этически «расслаблялся», нарушая равновесие между этикой и эстетикой, что вряд ли бы разрешил себе в собственных, идущих от чистого сердца стихах.

Теперь об авторах (соавторах) моих переложений. Имя Шарля Бодлера не нуждается в представлении. В своей работе я опирался на его внушительное, семидесятипятистрочное

стихотворение «Лесбос». Жорж Сандрар и Жео Норж – французские поэты XX века. Чарльз Генри Вебб – американский литератор, поэт, издатель, изобретатель (сконструировал и запатентовал «сумматор Вебба» – счётную машинку, которую сам шутя называл «числовым двухколёсным велосипедом»). Он же на свои деньги издал первую книгу молодого Марка Твена и умудрился получить прибыль с её продажи. Я переложил одно из самых известных его стихотворений «Dum Vivimus Vigilemus»*. В моей интерпретации оно называется «Ночная стража». Григол Робакидзе – старейшина вольного кружка грузинских символистов «Голубые роги». Большую часть жизни прожил в Германии, не покидая ее и при нацистском режиме. Его проза известна на немецком языке, стихи же символистской молодости, естественно, написаны на грузинском. Георгий Леонидзе учился с Сорбонне, увлекался поэзией Артюра Рембо, часто останавливался в Петербурге, дружил с Андреем Белым. Если Робакидзе часто надевал маску холодного эстета, то Леонидзе, будучи, как и первый, христианином по воспитанию, больше тяготел к поэзии прекрасного язычества. Их младшие братья по перу – Ражден Гветадзе, Николо Мицишвили и Колау Надирадзе – также яркие, индивидуальные и приобщены к высокой культуре стиха.

* Пока бодрствую – живу (лат.).

ИЗ БОДЛЕРА

Лоно игрищ латинских и эллинских славных забав,
Лесбос, край поцелуев, горячих как солнце и сочных
как арбузная мякоть, венчающих мирный устав
дней мучительно сладких и тайных свиданий полночных;
лоно игрищ латинских и эллинских славных забав.

Лесбос, льются лобзанья твои за потоком поток
и без страха срываются в бездну, связав воедино
немоту воздыханий, рыдания и бурный восторг,
утомлённые стоны, желания всплеск лебединый;
Лесбос, льются лобзанья твои за потоком поток.

Чудо женской взаимности, ревности мука и стыд,
Лесбос, звёзды свидетели! – круг замыкается снова,
и Венера несчастной Сапфо никогда не простит
красоты неземной и божественной ясности слова;
чудо женской взаимности, ревности мука и стыд.

Лесбос, царство ночей, где сердце удивительна власть:
с синевой под глазами, с телами созревшими девы,
как больное дитя опекают бесплодную страсть,
поклоняясь любви... и об этом слагают напевы;
Лесбос, царство ночей, где сердце удивительна власть.

В УТРОБЕ МАТЕРИ

(Из Блеза Сандрара)

Утроба матери – мой первый дом земной.
Отчаиваться вроде не пристало
за пухлой и пружинистой стеной,
в родном уюте влажного овала.

У сердца маминого бережно сложив
свои в коленях согнутые ножки,
вниз головой лежу, ни мёртв ни жив,
вы только криком слух мой не тревожьте.

И так спиралью скручена спина,
и ручкам нет в стеснении покоя,
ведь туловище – голова одна,
а уши – моё зрение слепое.

Мой череп в узком жерле живота.
И крови жар могу ль не ощущать я
с необъяснимым трепетом, когда
тебя отец берёт в свои объятия?

Удар! – и тельце пробивает ток,
и заливает кровь меня потоком,
и за толчком я чувствую толчок:
зачем? за что? – не понимая толком.

В твоём я сердце, мама, колочусь,
и задыхаюсь в содроганьях плоти,
и замираю вдруг почти без чувств...
Ну что вы мне покоя не даёте!

Весь в тумачах мой шишковатый лоб,
а на губах кровавая короста –
так вот уроки первые отцовства!
Когда б я мог открыть беззубый рот
и вслух хотя бы слово проронить,
я закричал бы: «Не хочу так жить!»

ДУША ПЕКАРЯ (Из Жео Норжа)

Моя душа гуляет без присмотра.
Не то чтоб я дружить с ней не хотел –
она всегда легка и беззаботна,
а у меня по горло важных дел.

Мой храм – пекарня. Рыжекудрый Пан,
и день и ночь колдую я над печью –
не для того, чтоб полон был карман,
хоть эту слабость знаю человечью.

Взойдя на ложе брачное квашни,
ласкаю, мну податливое тесто.
Оно толстушке лакомой сродни,
оно – моя распутная невеста.

Моя рабыня с грузным животом,

с лощёным, гладким и упругим телом,
и на дрожжах взошедшая притом, –
не надивлюсь иным её затеям!

Она дразнить не устаёт меня,
когда смотрю я, разомкнув объятия,
как в язычках весёлого огня
её сквозное розовеет платье.

А ты, душа, пока спокойно спи,
а пробудившись, поиграй в сторонке. –
Дитя небес, достойное любви,
приятен мне твой голосок негромкий.

НОЧНАЯ СТРАЖА

(Из Чарльза Генри Вебба)

Побольше света – благо, разлит по кубкам эль!
Сегодня я не лягу в ужасную постель.
Мои друзья-кутилы, с кем я не горевал:
то спорил что есть силы, то песни распевал,
с кем разделил я с жаром пропойцы ремесло, –
кто молодым, кто старым, кому как повезло, –
все умерли в кровати! А мне идти вослед
за ними дружбы ради большой охоты нет.
Нет, не стелите ложе сегодня мне, оно
на смертный одр похоже. Давайте пить вино!
Кому-то жизнь не в радость? – тогда иди в постель,
а я уж постараюсь развеселить гостей.
Компанию честную зову я по ночам, –
из тех, кто дверь минуя, без шума входит к нам,
кто бражничать со мною не против при луне;
в кругу их, я не скрою, легко и просто мне.
О, призраки-повесы, гуляки прошлых лет,
я вас встречаю в кресле, пока далёк рассвет!
На пуховой перине уютно ли, тепло?
Постель, клянусь святыми, – досаднейшее зло!
Она старухе грубой позволит рядом лечь.
Оскал ее беззубый и вкрадчивую речь
не посылай мне, Боже, сегодня, в поздний час...
Но если... если всё же нагрянет не спросясь,
пустым окинет взглядом и скажет: быть сему, –
ещё прямей я сяду и кубок подниму!..
И коль найдёте вдруг вы, придя в толпе зевак,
раскуренную трубку, рассыпанный табак,
и плед свисает с кресла, и стол залит вином,
а друг ваш неизвестно каким охвачен сном, –
считайте – всё в порядке, напрасна канитель,
и мной в последней схватке побеждена постель!

КРОВОТОЧАЩЕЕ СОЛНЦЕ

(из Георгия Леонидзе)

Я пророс из земли, как лоза нависая над кручей,
растекаюсь, бурля, тучнозадой Иори¹ под стать,
наши квеври² кипят, содрогаясь от влаги тягучей, –
эту тёмную кровь не под силу годам обуздать.

Солнце рваной утробой зияет в родном небосводе,
с высоты изливая кровавые струи огня,
и тяжёлый, густой аромат освежёванной плоти
дерзко ноздри щекочет и голову кружит дразня.

Я точку свое слово в ответ и готов без остатка
на жаровню поэзии вывалить все потроха,
надорваться, нутром постигая, как трудно и сладко
вкусу топлёного масла из каждого выжать стиха.

Много яду я высосал даром из солнечных гроздьев,
но два пурпура жгут меня пуще небесных лучей:
лик Артюра Рембо и – в сиянии благостей грозных –
имя Багратиони с орлами³ на гордом плече.

¹ Река в Грузии.

² Чаны для давки винограда.

³ Герб царского рода Багратиони.

УАЙЛЬД В ПАРИЖЕ

(из Григола Робакидзе)

Брезжит в тумане огней кисея,
окна витрин зазывают бесстыже.
Неизгладимы, как сон бытия,
эти вечерние маски Парижа!

Всё здесь – от женских прельстительных ног
до погружённого в сумрак собора,
напоминает изящный пролог
к жизни... а жизнь ускользает от взора.

Только из тёмных углов Notre-Dame
смотрят химеры с ленивой ухмылкой,
как, растекаясь по злачным местам,
бодрствует племя бездарности пылкой.

Но ни веселье, ни женская спесь,
ни искажённые похотью лица
не занимают возникшего здесь
гордого франта с нарциссом в петлице.

Ходит по зале он, стройный, чужой,

непринуждённо беседуя с другом,
и, как послы перед важным раджей,
гости пред ним расступаются кругом.

Прихотью гения дразнит судьбу –
душ и умов соблазнитель отпетый,
и афоризмы, сметая табу,
сыпятся с губ его звонкой монетой.

Так он идёт, растворяясь в ночной
сутолоке под рыдание альта...
А на бульваре, вертясь сатаной,
бойко разносит газетчик шальной
весть о блистательной тени Уайльда.

ПОМИНКИ

(Из Николо Мицишвили)

Бездомный ветер со двора доносит плач волынки,
и белой вьюги хоровод кружит в разрывах мглы.
Уж не по мне ли в этот час устроены поминки,
и страх, необъяснимый страх проник во все углы.
Мне страшно, страшно в этот час, как птице на излёте,
ждать неизбежного конца и примириться с ним,
еще до срока превратясь в гниющий сгусток плоти
с одною жаждою – дышать мгновением одним.
Отравлен собственной судьбой, я слышу поступь смерти
и жду, когда же наконец она свершит свой суд,
и обнаживши черепа, однажды на рассвете
меня такие же слепцы на дрогах повезут.

ВОРОНИЙ ПОГОСТ

(Из Раждена Гветадзе)

Стынут замшелые плиты забытых могил,
к тёмному зеву слепого церковного входа
сломанный тополь молитвенно ветви склонил;
всюду – следы запустенья, нужды и разброда.
На колокольне чуть слышно вздыхает сова,
в пыльных окладах тяжёлые дремлют иконы;
а вечерами, когда потемнеет едва,
шелестом крыльев пугают прохожих вороны.
Гонит сюда прихожан с незапамятных пор
смута сердечная, бедность, за близких тревога,
верят они, что Святого Георгия взор
их упасёт от беды у святого порога.
Но восседает отныне лишь стая ворон
у алтаря, где звучали священные песни,
ладан курился и лился торжественный звон...
Нынче иному внимают печальные вesi:
раненый колокол странно гудит на ветру,

да, временами, безумные вопли ослицы
будят летучих мышей... и как звери в нору,
нищие рады сюда от ненастья забиться.
Осенью поздней, когда замирает, устав,
бедный поселок и топятся печи в лачугах, –
те же вороны, нахохлясь, сидят на крестах,
напоминая о близких утратах и выюгах.
И на исходе пустого и жалкого дня –
с дрожью в коленях, с унылым смиреньем в природе, –
сам не замечу, как снова охватит меня
зависть к усопшим, к их неприхотливой свободе.
Там не гнетёт их похмелье чужих похорон,
не ужасает удел этой жизни убогой,
не возникают крылатые тени ворон,
чуткое сердце сжимая внезапной тревогой.

ВИЛЛА БОРГЕЗИ

(Из Колау Надирадзе)

Мне чудится вилла Боргези ночами бессонными:
там сфинксы у лестниц лежат под хрустальными сводами,
и веют прохладой веранды с резными колоннами,
и плещут фонтаны, играя лучами холодными.

Там в мантии белой инфанта сидит молчаливая,
борзая у ног её дремлет в блаженном смирении.
«О чём ты вздыхаешь, царица моя горделивая?» –
её вопрошаю, униженно пав на колени я.

Но ласково пряча свой взор за ресницами длинными,
ни слова в ответ не промолвив, шагами неспешными
проходит она по пустой галерее с павлинами,
любуюсь на птиц, увлечённых уловками нежными.

А следом борзая... и так, в неизменном молчании,
всё дальше и дальше уходят они анфиладами,
и с тусклых полотен паж и синьоры печальные
свою госпожу провожают тяжёлыми взглядами.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю

СНЕГ ТИШИНЫ

Она молчит
Шёл снег
В метро
Элегия

В этом месяце
Без любви
Сон
Когда не приходит подмога
Бессмертник
Судьба
Не спеши
Встреча
Заблудившийся снег
Давно пора
Наваждение
Непредсказуемый январь
На той войне
Отец
За отца
На Яхроме
В нашей келье
Июль
Апология поэта
Снег тишины
Вторая родина
Лишь о тебе подумаю
Заметка на полях
Родня
Оптина пустынь:
    1. Старец Амвросий
    2. Река в детство
    3. Паломники
    4. У скита
    5. В храме
    6. Монастырский сад
Твоя улыбка
Всё тот же свет
Слабые
Осеннее
Мы будем все занесены
Смогу ли...
Всё ищу
Дерево и камень
Индия
В круге новом
Женщины для всех
Нечаянная радость
Загородная элегия
Усово – Тупик
По краю
Из больницы
Ещё одна попытка (в шутку о серьёзном)
Опять потемнело
Одним днём
Мысль
Ночь Рождества
От Рождества до Рождества
В белом мире
Наш путь
Заклад
Мать и отец
Расскажи, синица

Август
В чём его секрет?
Ветер жизни
В этот миг

ВОЛЬНЫЕ ПЕРЕЛОЖЕНИЯ

От автора

Из Бодлера
В утробе матери (из Блеза Сандрара)
Душа пекаря (из Жео Норжа)
Ночная стража (из Чарльза Генри Вебба)
Кровоточащее солнце (из Георгия Леонидзе)
Уайльд в Париже (из Григола Робакидзе)
Поминки (из Николо Мицишвили)
Вороний погост (из Раждена Гветадзе)
Вилла Боргези (из Колау Надирадзе)